

**Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
Сибирского отделения Российской академии наук**

TERRA EURASICA:
к 60-летию академика Б. В. Базарова

Иркутск
Оттиск
2020

УДК 94(5)
ББК 63.3(5)
Т35

Утверждено к печати Ученым советом
Федерального государственного бюджетного учреждения науки
«Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН»

Ответственные редакторы:

чл.-корр. РАН Н. Н. Крадин,
д-р ист. наук, проф. Л. В. Курас

Рецензенты:

д-р ист. наук А. М. Плеханова
д-р ист. наук, проф. В. Д. Дугаров
д-р ист. наук, проф. Е. И. Лиштованный

Т35 Terra Eurasica: к 60-летию академика Б. В. Базарова: Сборник научных статей / отв. ред. Н. Н. Крадин, Л. В. Курас. – Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2020. – 300 с.

В сборник включены статьи, подготовленные к 60-летию юбилею академика Б. В. Базарова. Рассматривается широкий круг проблем всемирной и отечественной истории, начиная от первобытной археологии до современных вопросов экономической интеграции на евразийском пространстве. Большое внимание уделено Байкальской Азии, истории Монголии.

Книга предназначена для историков, специалистов в области общественных и гуманитарных наук, а также всех интересующихся вопросами отечественной и всемирной истории.

ISBN 978-5-6045121-3-5

© ИМБТ СО РАН, 2020
© Б. В. Базаров, 2020
© Н. Н. Крадин, 2020
© Л. В. Курас, 2020

УДК 325 (510)
ББК 66.4. (4/8) (5 кит)

М. Н. Балдано

Монгольский мир: фактор китайской миграции

Аннотация. В статье анализируются миграционные процессы, которые были и остаются важным фактором существования и развития монгольского мира. Отношение к ним диктуется как гигантским воздействием Китая на все сферы жизни региона, так и самостоятельной ролью китайских мигрантов, которые воспринимаются одновременно и как ресурс, и как угроза.

Ключевые слова. Монгольский мир, Монголия, Внутренняя Монголия, Россия, Китай, миграционные процессы, трудовые мигранты, безопасность, развитие, миграционная политика

Миграционные процессы, их динамика и направленность в огромной степени влияют на демографические, геополитические, политические, экономические, культурные перспективы Внутренней Азии, являющейся частью монгольского мира, который, в свою очередь, невозможно представить свободным от влияния китайской цивилизации, культуры и государственности. В Цинской империи, куда в свое время вошла его большая часть, монгольские территории обладали особым статусом, дававшим возможность автономной внутренней жизни и защищавшим от интенсивных миграций из «застенного Китая». Крушение империи стало той развилкой, после которой развитие монгольского мира Внутренней и Внешней Монголии пошло расходящимися путями. Внутренняя Монголия – неотъемлемая часть китайского политического, социального и культурного пространства, пережившая вместе с остальным Китаем все катаклизмы XX в., а ныне активно включившаяся в общекайтайские процессы модернизации и национального строительства.

Внешняя Монголия обрела политический суверенитет в XX в. Этот нелегкий и растянутый во времени процесс также во многом являлся производным от взаимоотношений с Китаем. Обретение независимой государственности населением Внешней Монголии стало толчком к формированию нации-государства. В огромной степени обретение государственности и возможность ее между-

народного признания стали следствием политики России/СССР. Под прямым воздействием и контролем Советского Союза проводился в жизнь монгольский вариант социалистической модели модернизации – «скачок из феодализма в социализм». И хотя эта модель отброшена, а отношения с Россией трансформировались из вассально-союзнических в добрососедские, процесс формирования нации-государства идет гораздо интенсивнее.

Российская часть монгольского мира, отделенная от Китая государственной границей, постоянно испытывала и продолжает испытывать его мощное воздействие. В отдельные периоды истории межгосударственных отношений это принимало различные формы и, более того, имело разные векторы. Но Китай одним лишь фактом своего существования всегда прямо или косвенно оказывал ощутимое воздействие на приграничные территории России.

Для монгольского мира, экономика и уклад жизни которого определялись кочевым скотоводством, постоянные миграции были нормой. Однако в XX в. была сформирована новая миграционная ситуация, вызванная изменением качества режима границ, их «отвердением» и слабой проницаемостью. Границы утратили свой полусимволический характер и стали реальным регулятором и ограничителем миграционных процессов.

На рубеже XX – XXI вв. во взаимоотношениях монгольского мира и Китая значительную роль стали играть стремительно растущие потоки внутренних и трансграничных миграций. Китайские мигранты – важнейший фактор, воздействующий практически на все стороны и тенденции развития этого мира. Естественно, что в различных его частях эта проблема имеет различные формы и играет неодинаковую роль.

В современном Китае представители монголоязычных народов интегрируются в общекитайское пространство, причем не только во властно-политическом, но и в социальном и культурном измерениях. Проводимая национальная политика, предусматривающая существование автономных национальных районов, препятствует перерастанию этой глубокой интеграции в ассимиляцию¹. Но это не препятствует притоку ханьских переселенцев, динамично меняющих облик традиционно монгольских по населению и культуре

¹ Москалев А. А. Теоретическая база национальной политики КНР (1949–1999). М., 2001. 222 с.; Мажинский С. В. (1). Социально-экономическое и политическое развитие Внутренней Монголии в контексте модернизации Китая (1911–1976 гг.). Автореф. дисс... канд. ист. наук. Томск, 2014. 23 с.

регионов. Для Внутренней Монголии КНР – это часть сложнейшей проблемы внутренних миграций, меняющих демографическую картину региона, его этнический состав, уклад жизни.

Это сравнительно новая проблема, так как в Цинском Китае монгольские регионы имели особый юридический статус, частью которого был почти полный запрет на постоянную миграцию сюда ханьцев из «застенного Китая». Сейчас это стало проблемой модернизации, перераспределения ресурсов и неизбежного в этих условиях социального напряжения.

Автономный район Внутренняя Монголия (АРВМ) стремительно развивается экономически. ВВП АРВМ вырос с 1947 г. в 130 раз по сравнению с дореформенным показателем, с 1978 г. – в 13 раз¹. В начале XXI в. он представлял собой отсталый регион страны с устаревшей индустриальной базой и занимал 24-е место по объему внутреннего регионального продукта (ВРП). Долгое время Внутренняя Монголия оставалась в стороне от шедших в Китае экономических преобразований. В 2000 г. она была включена в Программу освоения западных регионов, в 2007 г. – в Стратегию возрождения северо-восточных старых промышленных баз. Кроме того, АРВМ обладает особым статусом в соответствии с государственной национальной политикой.

Меры государственной поддержки по упорядочению производственной структуры и строительству инфраструктурных объектов оказались своевременными и эффективными. В регионе бурно развиваются промышленность, сельское хозяйство, торговля, городская инфраструктура. В экономическом росте решающую роль сыграла инвестиционная составляющая. С начала 2000-х гг. АРВМ переживала настоящий инвестиционный бум, в отдельные годы темпы роста капиталовложений были рекордно высокими по сравнению с другими регионами страны. Так, доля инвестиций в основной капитал в ВРП региона выросла с 27,5% в 2000 г. до 76,5% в 2010 г. и до 84,4% в 2013 г. В последние годы инвестиции перестали быть главным двигателем экономики АРВМ: по итогам 2018 г. было зафиксировано сокращение объема капиталовложений на 27,8%². Происходит смена драйверов роста, основой которого

¹ Базаров Б.В., Базаров В.Б. Социально-экономическая тектоника Азии и некоторые проблемы взаимодействия в АТР: региональный аспект // Демографическое пространство Азии: история, современность, гипотезы будущего. Новосибирск: Параллель, 2011. С. 14.

² Статистическое управление АРВМ. URL: <http://tj.nmg.gov.cn/ydcx/index.html> (дата обращения: 21.08.2020).

являются инновации. Внутренняя Монголия стала одним из самых динамично развивающихся регионов Китая, в 2019 г. ее ВВП составил 271,208 млрд юаней, прирост – 19,4% против 2018 г.¹

Под воздействием этих процессов происходят глубокие внутренние трансформации монгольского населения региона. В 2015 г. численность населения АРВМ составила 25,1 млн чел., из них монголов – 4,6 млн². Б. В. Базаров и В. Б. Базаров отмечали, что «в 1989 г. при населении Внутренней Монголии в 26 млн чел., монголами себя заявляли 4,2 млн чел., в 2000 г. при населении 32 млн – 2,1 млн. Только дополнительный пересчет позволил выйти на прежнюю отметку 1989 г., и официальная цифра осталась прежней, правда, и без необходимой динамики», при этом обращая внимание на то, что «усиление миграционных процессов, связанных с экономическим подъемом, может существенно повлиять на размывание экономических границ...»³. Однако в последние годы КНР удалось сформировать политику, ориентированную на долгосрочную перспективу, призванную формировать новые тренды в сфере миграции и трансформировать миграционные потоки в зависимости от целевых установок.

Важно оценить роль китайских мигрантов и отношение к ним в той части монгольского мира, которая обладает собственной государственностью – в Монголии. На протяжении всей эпохи независимого развития здесь интенсивно протекают процессы нациестроительства, формирования нации-государства. Критически важным для этого процесса является «образ чужого», иногда «образ врага» как консолидирующий нацию инструмент. Здесь крайне важен исторический и геополитический контекст. Колонизация цинской властью Внешней Монголии через увеличение численности войск, расширение торговых сетей и переселение китайцев усилились в начале XX в., что привело к освободительному движению монголов и провозглашению автономии страны в 1911 г. Негативное отношение к китайским торговцам как спланивающим

¹ Внутренняя Монголия. URL: <http://www.peking-info.ru/china/505.php> (дата обращения: 20.08.2020).

² Шахаева А. А. Автономный район Внутренняя Монголия КНР: административно-территориальное деление и экономическая характеристика // Вестник Бурятского государственного университета. Гуманитарные исследования Внутренней Азии. 2016. №4. С. 91–95.

³ Базаров Б. В., Базаров В. Б. Социально-экономическая тектоника Азии и некоторые проблемы взаимодействия в АТР: региональный аспект // Демографическое пространство Азии: история, современность, гипотезы будущего. Новосибирск: Параллель, 2011. С. 17.

всех монголов фактор постепенно стало условно-традиционным механизмом сохранения своей идентичности. Геополитическая «зажатость» между двумя гигантами – Китаем и СССР/Россией, эпоха противостояния с КНР в составе советского блока, частью которой стала интенсивная антикитайская пропаганда и выдавливание из Монголии живших там китайцев, – все это формировало прочные антикитайские настроения у населения страны¹.

Эпоха демократического и нейтрального развития привела к активизации политических и экономических связей с Китаем. Экономический гигант продолжает втягивать в свою орбиту природные ресурсы Монголии, становясь важным фактором ее экономического развития. В 1994 г. во внешней торговле Монголии на долю КНР приходилось менее 20%, в 2009 г. – около 50%, а к 2017 г. – порядка 65%. В 2019 г. внешнеторговый оборот АРВМ с Монголией вырос на 7,5% по сравнению с 2018 г.².

Китай является основным торговым партнером и самым крупным иностранным инвестором Монголии. По данным официальной монгольской статистики, в 2017 г. 87,8% всего экспорта и 41,8% импорта Монголии приходилось на долю КНР³. Китай служит основным рынком сбыта многих экспортных товаров Монголии – угля, медного, молибденового и железного концентратов, животноводческой продукции и др. Инвестиции Китая в Монголию достигли 108 млн долларов США, из которых 68% приходится на горнодобывающий сектор, а 21% – на торговлю и продовольственный сектор⁴.

Естественное и необходимое привлечение ресурсов для экономического развития из такой экономической сверхдержавы, как Китай, в сочетании с открытыми границами сопровождается значительным притоком китайских мигрантов, играющих замет-

¹ Bille» F. *Bodies of Excess. Imagining the Chinese in Contemporary Mongolia*/Ph.D. Diss. Cambridge University, 2010; Терентьев В. И. Образы Китая и китайцев в национальном самосознании монголов // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 406. С. 152–157; Галиймаа Н. Трансграничная миграция китайцев в Монголию в представлениях и оценках монгольской молодежи // Трансграничные вызовы национальному государству/Автор проекта, науч. и лит. ред. С. Панарин. СПб.: Ингтерсоцис, 2015. С. 211.

² Китайская Внутренняя Монголия нарастила внешнеторговый оборот на 5,9%. ИА REGNUM. URL: <https://regnum.ru/news/economy/2833577>. html (дата обращения: 12.08.2020).

³ Гадаад худалдаа (Внешняя торговля). URL: http://1212.mn/stat.aspx?LIST_ID=976_L14 (дата обращения: 12.08.2020).

⁴ Seldon News. URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/236456188> (дата обращения: 12.08.2020).

ную роль в городской экономике страны. Официально в Монголии зарегистрировано в 2001 г. – 2307, 2005 г. – 12678, 2009 г. – 13897 китайских граждан. Однако неофициальные оценки в 2010 г. довели эту цифру до 100 тыс. чел.¹. В 2010–2017 гг. наблюдался рост численности иностранных трудовых мигрантов², а с 2018 г. в целях обеспечения государственной безопасности и приоритетной занятости граждан страны были сокращены квоты на привлечение иностранной рабочей силы. Согласно официальным данным, за первое полугодие 2018 г. по трудовому договору в Монголии работали 9,6 тыс. иностранных граждан из 92 стран, в том числе 38,1% – из Китая. На конец марта 2019 г. их число сократилось до 4,9 тыс. чел.³

Большинство трудовых мигрантов в Монголии заняты в горнодобывающей промышленности, строительстве, торговле, ремонте машин и мотоциклов, перерабатывающей промышленности и образовании. Периодически часть мигрантов депортируется из страны. Так, в 2019 г. около 800 граждан Китая, работавших в Монголии, несмотря на 30-дневные и рабочие визы, были депортированы из страны согласно ст. 37.1.7 Закона о правовом статусе иностранных граждан⁴.

Насколько мигранты ориентированы на постоянное жительство или относительно длительное пребывание там – вопрос до сих пор открытый и требующий специальных исследований. Не просто привычное присутствие, а мощный и спрессованный по времени приток мигрантов из соседнего политического, экономического и демографического гиганта, их заметная роль в экономике, стиль и манера поведения вызывают сложные чувства в принимающем обществе. Явно сформировался комплекс опасений, страхов и даже фобий. В этом же направлении действуют предубеждения, оставшиеся в исторической памяти, геополитические страхи, осознание сильной экономической зависимости от Китая, типовые антимигрантские стереотипы. На основании анализа публикаций монгольских СМИ, посвященных китайским

¹ Галиймаа Н. Китайские мигранты и китаефобия в современной Монголии: анализ периодики // Диаспоры. 2011. № 1. С. 173–182.

² КНОЕМА. URL: <https://knoema.ru/atlas/Mongolia> (дата обращения: 20.08.2020).

³ Число трудовых мигрантов в Монголии сократилось вдвое. 16 апреля 2019 г. Seldon News. URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/208770448> (дата обращения: 22.08.2020).

⁴ Из Монголии депортированы около 800 граждан КНР // Монголия сейчас. 03.11.2019. URL: <http://www.mongolnow.com/iz-mongolii-deportirovany-okolo-800-grazhdan-knr/> (дата обращения: 22.08.2020).

мигрантам, Н. Галиймаа делает вывод: «...негативное отношение монгольского общества к китайским иммигрантам было, остается и долго еще будет оставаться преобладающим»¹.

В октябре 2017 г. Далай-лама XIV посетил Монголию исключительно с религиозной целью – встретиться со своими приверженцами-буддистами. При этом монгольская сторона неоднократно информировала руководство КНР о том, что приезд Далай-ламы – это не государственный, а сугубо религиозный визит. Тысячи монгольских буддистов пришли на встречу со своим наставником, главой буддистов всего мира. Но визит стал причиной острого кризиса в китайско-монгольских отношениях, который сопровождался политическими и экономическими санкциями со стороны Китая. Кризис вскоре был урегулирован и закончился тем, что министр иностранных дел Монголии Ц. Мунх-Очир был вынужден выразить сожаление в связи с недопониманием и ухудшением монголо-китайских отношений и дать обещание, что правительство Монголии не будет приглашать Далай-ламу. В.В. Грайворонский отметил: «Инцидент, связанный с этим визитом, оставил глубокий след в сердцах всех монголов, независимо от их вероисповедания»².

Монголия является участником проекта «Один пояс – один путь», частью которого является инициатива «Степной путь». Ее замысел состоит в том, чтобы путем активного участия Монголии в широкомасштабном сотрудничестве между Россией и Китаем создать в стране современную транспортную, энергетическую и другую инфраструктуру, способную обеспечить транзитные перевозки грузов из России и Европы в Китай и другие страны Восточной Азии и АТР и в обратном направлении через территорию Монголии. Транспортная интеграция Евразии приведет к существенным сдвигам в доступе к природным ресурсам, в интересах к их эксплуатации, в привлекательности территорий и активизирует миграционные процессы. Улан-Батор стал крупным центром деловой активности, здесь развиваются строительство и промышленность, растет потребность в рабочей силе, сюда устремляются внутренние и внешние мигранты, в том числе китайские. Резкое

¹ Галиймаа Н. Китайские мигранты и китаефобия в современной Монголии: анализ периодики // Диаспоры. 2011. № 1. С. 182.

² Грайворонский В. В. Китайский мега-проект «Экономический пояс Шелкового пути»: место и роль Монголии // Восточная аналитика. Политологические науки. 2018. С. 49–59.

снижение количества трудовых мигрантов произошло в результате пандемии коронавируса в 2020 г. Однако, как считают специалисты, при незначительном естественном приросте населения увеличение рабочей силы в Монголии возможно именно за счет миграционного фактора.

Для переселенческого общества Востока России, органически включившего в себя часть монгольского мира, миграции были и остаются неременным условием его существования и развития. Представители различных региональных, сословных, профессиональных групп по собственной воле или принудительно становились сибиряками. С эпохой модерна растет значение их этнических характеристик – и миграционные потоки воспринимаются уже как этнически разнородные и разнообразные. Этническое разнообразие происхождения сибирского общества начинает оцениваться как важнейшая его характеристика. Что касается российского сегмента монгольского мира, который можно описать в категориях «этнической Бурятии» и Калмыкии, то наряду с участием в общих для страны миграционных процессах они формируют собственные специфические случаи и модели.

В России отшумели бушевавшие в 1990-е гг. споры – нужны ли здесь китайские мигранты или не нужны. Они уже есть, их присутствие необходимо – и они останутся вне зависимости от динамики геополитического, внутривнутриполитического и экономического контекста. В научных исследованиях, в массовых настроениях, в масс-медиа, в понимании трансграничной миграции чиновниками и политиками сформировалось общее проблемное поле. Его ключевой составляющей является оценка возможностей и рисков, базирующаяся на конфликтном единстве двух подходов – безопасности и развития.

Сторонники идеи развития считают, что трансграничные мигранты абсолютно необходимы, так как без их растущего притока невозможно поддержание экономики в более или менее рабочем состоянии, тем более невозможен модернизационный прорыв. Поэтому миграционная политика должна строиться на всемерном привлечении мигрантов, их максимальной легализации, комплексных мерах по их социальной, экономической и культурной интеграции в принимающее общество¹.

---

¹ Зайончковская Ж., Тюрюканова Е. Иммиграция: путь к спасению или троянский конь? // Миграция в России. 2000–2012. Хрестоматия в 3 т./Российский совет

Приверженцы безопасности видят в мигрантах источник опасности для идентичности принимающего общества, для его этнокультурной однородности и стабильности, причину неизбежных разрушительных этнических конфликтов. Естественное следствие такого понимания – требование максимально ограничить приток новых мигрантов и вытеснить уже имеющихся. Хотя, по утверждению исследователей, «незначительная доля групп зарегистрированных международных мигрантов в Бурятии практически не включена в социально-экономическое пространство республики и не может вызвать риски этнического экстремизма»¹.

При этом совершены значительные прорывы в научных исследованиях. Нароботан и осмыслен большой объем эмпирического материала, идут оживленные теоретические дискуссии. На удивление быстро освоен запас знаний, представлений и концепций, накопленных мировой наукой. Некоторые итоги этой работы подведены в трехтомной хрестоматии по миграции в России².

Массовые антимигрантские настроения становятся инструментом идеологической и политической мобилизации и борьбы за власть для довольно широкого спектра политических сил. Мигранты стали важнейшей частью информационного поля. СМИ – это и носитель информации («зеркало»), и самостоятельный, важный игрок, обладающий собственными интересами в качестве хозяйствующего лица, продающего информационный товар, вступающий в сложные взаимоотношения с властями, обществом, отдельными его группами. Они создают образы, предлагают слова для вербализации и оценки проблем и явлений, формируют курсы. Очень часто в сознании людей сосуществуют две картины мира – на основе собственного опыта и сформированная масс-медиа. И если они вступают в противоречие, безусловное предпочтение отдается второй.

Место единого принимающего общества с общим набором представлений об угрозах, рисках и выигрышах от новой миграционной ситуации занимает разнородный конгломерат государ-

---

по международным делам; под общ. ред. И. С. Иванова. Отв. ред. Ж. А. Зайончковская. М.: Спецкнига, 2013. Т. 1. Ч. 1. С. 51–77.

¹ Дашибалова И.Н. Внешние мигранты в Республике Бурятия: оценка адаптации и интеграции в принимающем социуме (по данным социологического исследования) // Политика и Общество. 2018. № 12. С. 31–40.

² Миграция в России. 2000–2012. Хрестоматия в 3 т./Российский совет по международным делам; под общ. ред. И. С. Иванова. Отв. ред. Ж. А. Зайончковская. М.: Спецкнига, 2013. Т. 1–3.

ственных структур, региональных сообществ и их элит, общественных сил и институций, чьи интересы в этой сфере могут в чем-то совпадать, а в чем-то и радикально расходиться. Механизм согласования этих интересов в лучшем случае только формируется. Не решено, каким будет этот механизм, еще не до конца закрыт вопрос о выборе между либеральной, демократической и авторитарной (бюрократической) моделью общественного устройства. Все это предопределяет отсутствие логичной и осознанной миграционной политики федеральной власти, постоянные качели между запретительными и поощрительными мерами.

В российской части монгольского мира – Бурятии – обсуждение проблемы китайской миграции как части глобальных процессов трансграничных миграций протекает в контексте общероссийских дискуссий на эту тему. Имеющиеся исследования показывают, что каких-то принципиальных отличий здесь не наблюдается. Проведенный, в частности, в середине нулевых годов сравнительный анализ прессы Владивостока, Улан-Удэ, Иркутска и Томска показал, что бурятская пресса не отличалась от прессы других городов востока России в описании и оценке китайской миграции¹. Имеются дополнительные темы, связанные с интересом к шэнэхэнским бурятам, а также с популярной одно время надеждой на особую роль Бурятии в качестве «ворот в Азию».

Тестовой для анализа отношения к китайским мигрантам является проблема «чайнатауна». Представление о том, что мигранты из Китая неизбежно должны концентрироваться в отдельных городских районах, сегрегироваться не только социально, но и территориально, стало фундаментом для построения различного рода политических и геополитических конструкций и оценок последствий китайской миграции для принимающего общества.

Символическое значение феномена чайнатауна оказалось так велико, что с началом массовой китайской миграции в Россию именно через эту категорию стал оцениваться сам процесс и его возможные последствия². Чайнатаун часто предстает как модель и орудие «демографической экспансии», массового мирного

¹ Миграционная ситуация и региональная пресса: газеты современной Азиатской России // Трансграничные миграции и принимающее общество: механизмы и практики взаимной адаптации: монография/науч. ред. В. И. Дятлов. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009. С. 121–179.

² Балдано М. Н., Дятлов В. И. Образ китайского мигранта и «чайнатауна» в дискуссиях о роли миграционных процессов в монгольском мире // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. 2015. № 4 (20). С. 185–193.

проникновения, освоения, а затем отторжения от России ее восточных регионов. Чем дальше от китайско-российской границы, тем более распространены представления о многих миллионах китайских мигрантов, значительная часть из которых уже осела в постоянных китайских поселениях, экстерриториальных, непригодных для контроля и управления российских властей. Подчеркивается также, что это результат целенаправленной политики Китая как государства. На деле чайнатаунов в сибирских и дальневосточных городах нет. Они присутствуют в массовом сознании и идеологической сфере как некая «виртуальная реальность».

Важно посмотреть, как рассматривается и оценивается эта проблема в Бурятии, где китайские мигранты стали привычной частью городского сообщества¹. Отношение к ним развивалось в общем для России русле: от неприятия и отторжения до привыкания и сотрудничества. Чайнатауна, как и во всей России, в Улан-Удэ нет, но сформировались китайские кластеры – прежде всего китайские рынки и китайские гостиницы. Китайскими их делает взгляд и отношение принимающего общества. О них знают все горожане, иногда пишут в газетах или в интернете. Гостиница «Одон», часто называемая центром китайской жизни в Улан-Удэ, стала и объектом исследовательского внимания². Местом встречи китайских бизнесменов являются гостиница «Хайлар» и ресторан «Золотая медаль». Китайских рынков уже нет, торгуют китайскими товарами в основном выходцы из Средней Азии и Афганистана. В Улан-Удэ преобладает спокойное отношение к их существованию и роли в городской жизни. Они существуют как факт – и не вызывают негативных или позитивных оценок.

Таким образом, проблема китайских мигрантов так же разнообразна, как и монгольский мир. Но есть и общее – они были и остаются важным фактором существования и развития монгольского мира. Отношение к ним диктуется как гигантским воздействием Китая на все сферы жизни региона, так и самостоятельной ролью китайских мигрантов, которые воспринимаются одновременно и как ресурс, и как угроза. Изначальное разнообразие монгольского мира и расходящиеся траектории развития отдельных его частей предопределяют и различный характер отношения к ми-

¹ Восток России: миграции и диаспоры в переселенческом обществе. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков/Науч. ред. В. И. Дятлов. Иркутск: Отгиск, 2011. С. 267–278.

² Шармашеева Н. Ж. Гостиница «Одон» – центр китайской жизни в Улан-Удэ // Этнографическое обозрение. 2008. № 4. С. 31–37.

грантам, разную степень их интенсивности. Кроме того, эти параметры менялись и могут меняться в будущем в рамках отдельных обществ, в зависимости от динамики их развития.

Статья подготовлена в рамках проекта XII. 191.1.1. Трансграничье России, Монголии и Китая: *история, культура, современное общество*, номер госрегистрации № АААА-А17-117021310269-9.

M. N. Baldano

Mongolian world: a factor of chinese migration

Abstract. The article analyses migration processes, which have been and remain an important factor in the existence and development of the Mongolian world. The attitude towards them is dictated both by China's gigantic impact on all spheres of life in the region and by the independent role of Chinese migrants, who are perceived both as a resource and a threat.

Key words. Mongolian world, Mongolia, Inner Mongolia, Russia, China, migration processes, labour migrants, security, development, migration policy